

Если в США событие считается произошедшим, когда о нем упомянула CNN, то в волшебной Англии для этого требовалось наличие статьи в Пророке. Фенелли, который еще вечером получил предупреждение от Сириуса Блэка о побеге Петтигрю, с утра пораньше пришел на завтрак, чтобы к прибытию почты успеть покончить с едой. Все же сидит этот предатель в тюрьме или бежит на свободе, а о собственном желудке забывать не стоит, ибо голод еще никого до добра не доводил.

Таким образом, к тому моменту, когда в большой зал Хогвартса влетели совы с письмами и газетами, Карло наслаждался крепко заваренным чаем, хоть уже и начинал испытывать некоторое нетерпение. Как подозревал Фенелли, министр Фадж был вполне способен «замолчать» побег арестанта, и у него наверняка хватило бы средств обеспечить лояльность «Пророка». Но взяв в руки свежую газету, Карло понял, что он все-таки ошибался, ибо с первой страницы на него смотрел огромный портрет Питера Петтигрю.

В передовице давалась краткая биография Петтигрю, список его прегрешений, а также указывалось, что он очень опасен. Вдобавок «Пророк» не забыл напомнить своим читателям, что анимагической формой беглого узника была крыса, и Фенелли подумал, что в ближайшее время Англию ждет небольшая дератизация. Действительно, теперь почти любой маг, завидев крысу, постарается прихлопнуть ее до того, как она превратится в человека и набросится на него. Ну а если это случайно окажется не анимаг, а обычное животное — ну что же, безопасность требует жертв и желательно чужих.

А вот на третьей странице было напечатано нечто более интересное. Барти Крауч, видимо, решил доказать, что его еще рано списывать в утиль, и обрушился на Фаджа с жестокой критикой. Если отбросить вежливые формулировки, которыми пользовался старый политик, то его выступление сводилось к тому, что в Азкабана царит проходной двор, кругом бродят сообщники преступников, и единственное спасение волшебного мира от неизбежной гибели — это выжигание каленым железом всех и всяческих безобразий. Понятно, что Фадж и «каленное железо» между собой имели крайне мало общего, поэтому интервью подводило читателя к мысли, что волшебной Англии необходим новый министр и лучше Барти Крауча кандидатуры на эту «тяжелую и неблагодарную работу» не найти.

Такая активность мистера Крауча была, мягко говоря, несколько неожиданной для Карло, ибо он не помнил, чтобы в оригинале истории после побега Сириуса появились претенденты на место Фаджа. Хотя с другой стороны, из оригинала было известно фактически лишь то, что знал Поттер, а ни он, ни его друзья до четвертого курса политикой толком и не интересовались. Так что вполне возможно, что кризис был и там, но Фадж сумел его преодолеть.

Но в отличие от той реальности, здесь и сейчас Фадж был лишен части ресурсов, которые могли бы ему помочь удержать свое место. И в первую очередь это касалось денег Люциуса Малфоя, которые при нужде могли бы помочь в «убеждении» нужных людей. Да и весьма своевременное исчезновение Долорес Амбридж, согласной выполнять любые грязные поручения министра, а зачастую и не поручения, а просто намеки на них, не способствовало укреплению позиций Фаджа.

Но помимо этого, в волшебной Англии оставался еще один человек, который мог своим

авторитетом поддержать министра. Альбус Дамблдор был яркой личностью, и к его словам прислушивались многие маги. А Карло был совсем не уверен, что смена Фаджа на Крауча вызовет такой уж сильный восторг у директора школы. Пока что министр нуждался в Дамблдоре и, похоже, того вполне устраивал послушный чиновник, которому можно отдавать команды под видом советов. А вот Крауч вряд ли был готов послушно исполнять «советы» Дамблдора.

Конечно, тому же Фаджу понадобилось совсем немного времени, чтобы выйти из повиновения и начать игру против «величайшего мага нашего времени». И закончилось это вполне закономерной отставкой министра, который слишком серьезно воспринимал собственную власть. Но пока что между ним и директором Хогвартса царила полная идиллия, в которую абсолютно не вписывался Барти Крауч.

Самому Фенелли бывший глава департамента магического правопорядка был в чем-то симпатичен. Во всяком случае, он был именно тем человеком, который мог задавить своей энергией попытки упиванцев добраться до власти тихой сапой. Представить себе Крауча, берущего взятки за то, чтобы избавить какого-нибудь подонка от тюрьмы, у Фенелли решительно не получалось. И даже то, что он по просьбе умирающей жены вытащил сына из Азкабана, вызывало у Карло понимание. Что ни говори, а Барти был живым человеком и не мог бы остаться равнодушным к судьбе своего ребенка. А то, что он не отправил Барти-младшего «резвиться» где-нибудь за границей, как поступили бы многие политики в большом мире, вместо этого посадив под домашний арест, по большому счету вызывало уважение.

Можно было, конечно, оставить вопрос смены министра самим волшебникам, благо результат противостояния Фаджа и Крауча был не вполне очевиден, но Фенелли все же решил помочь Барти, заодно заняв Дамблдора общественно-полезным трудом. Тем более с директором в любом случае необходимо было поделиться кое-какой информацией, хотя изначально Карло и планировал сделать это ближе к концу года.

* * *

За обедом господа преподаватели потихоньку обсуждали способы, коими Петтигрю удалось удрать из Азкабана. Ну а поскольку они все были живыми людьми, обсуждение быстро перешло на личность Питера, благо многие профессора знали его не понаслышке.

— Никогда бы не подумала, что этот ученик сможет стать анимагом, — горестно вздохнула МакГонагалл. — Как жаль, что во время учебы он не показывал своих истинных талантов. Тогда и окружающие относились бы к нему иначе, и он, возможно, не свернул бы на кривую дорожку.

— Вряд ли это ничтожество смогло бы хоть кого-нибудь впечатлить своими отсутствующими способностями, — презрительно усмехнулся Снейп. — Он и учиться-то мог только благодаря помощи своих дружков. А те даже не смогли разглядеть предателя в этом своем прихлебателе. Лишь упивались его лестью, идиоты.

По большому счету Карло в кои-то веки мысленно согласился с зельеваром, хотя и с некоторыми оговорками. Все же вера в товарищей — это то, без чего невозможно обойтись в бою, так что наивность остальных Мародеров была в чем-то понятна. Скорее было неясно, как Питер вообще попал в их компанию, а уж попав, он наверняка пусть и вынужденно, но старался соответствовать стандартам своих товарищей, до тех пор, пока внутренняя гниль все же не вылезла наружу. Карло мысленно возблагодарил Бога за то, что американские десантники проходили подобную отбраковку еще на стадии подготовки. Это был крайне жестокий процесс, но зато потом парни были уверены друг в друге на сто процентов.

— Не преувеличивайте, Северус, — поморщилась профессор Спраут. — Как я помню, Петтигрю был обычным середнячком, ничем не выделяясь среди других учеников ни в лучшую, но и ни в худшую сторону. Во всяком случае, на моих занятиях.

— Я и говорю, типичный идиот, — Снейп высокомерно осмотрел зал. — Как и большинство баранов, не способный самостоятельно усвоить даже элементарные вещи.

— Все же коллеги вы, по моему, несколько несправедливы к нему, — Карло сделал маленькую паузу. — Все же это первый человек, которому удалось удрать из Азкабана, что однозначно говорит о том, что посредственностью он точно не был. Хотя лично я бы предпочел, чтобы оттуда сбежал не Петтигрю, а кто-нибудь из Лестрейнджей.

— Кто? — МакГонагалл едва не подавилась тыквенным соком. — Вы всерьез предпочли бы видеть на свободе кого-нибудь из этих ненормальных садистов?

— А что бывают нормальные садисты? — невинно поинтересовался Фенелли, ненавязчиво посмотрев на Снейпа. — Хотя, по моему мнению, один упиванец стоит другого. Так что сбежал тот или другой для безопасности окружающих, особого значения не имеет. Но, в отличие от Петтигрю, от Лестрейнджей может быть и польза.

— Решили поближе познакомиться с Беллатрикс, коллега? — криво усмехнулся зельевар. — Должен сказать, что был лучшего мнения о вашем вкусе.

— Меня интересуют не сами Лестрейнджи, а кое-что из того, что по моим сведениям хранится у них в Гринготтсе, — Фенелли сделал вид, что не обратил внимания на подколку Снейпа. — Я в свое время занялся поисками реликвий Основателей Хогвартса, но, увы, обнаружил, что меня опередили. Мне удалось узнать, что в свое время Волдеморт владел магическими предметами, принадлежавшими Слизерину, Рейвенкло и Хаффлпафф.

Профессор Дамблдор, до того расслабленно сидевший на своем «троне», напрягся при этих словах Карло. Было похоже, что он клюнул на старательно разложенную приманку профессора ЗОТИ. Прочим профессорам, вздрогнувшим при упоминании темного мага, было не до реакции директора, так что проснувшийся интерес Дамблдора остался пока незамеченным.

— Но какое отношение к этим реликвиям имеют Лестрейнджи? — удивленно поинтересовался профессор Флитвик. — Или вы хотите сказать, что Тот-Кого-Нельзя-Называть отдал эти вещи

им на хранение?

— Насколько мне известно, не все, — вздохнул Карло. — Но я лично беседовал с человеком, утверждавшим, что видел, как Беллатрикс Лестрейндж несла в Гринготтс Чашу Хаффлпафф. И окажется она на свободе, возможно, появился бы шанс добраться до этой вещи.

— Реликвии Основателей должны находиться в Хогвартсе, — недовольно произнесла профессор Спраут. — Безобразие, что они оказались в подобных руках.

— Да и обратись вы к Беллатрикс с просьбой отдать вам артефакт, данный ей хозяином, вместо чаши получили бы лишь знатный круциатус, — Снейп издевательски улыбался Карло. — Я удивляюсь, коллега, как вы с такими идеями до сих пор живы.

— Насчет Лестрейнджей — это действительно не лучшая идея, — согласился со Снейпом Флитвик, которого, похоже, интересовали более практичные вещи. — Но вы говорили, что имелись и другие артефакты.

Дамблдор напряг слух, жадно впитывая каждое слово, и Фенелли вдохновенно поведал, что, по его мнению, хотя бы часть наследия основателей должна храниться в доме матери Волдеморта. Напустив немного тумана, Карло дал понять коллегам, что он предложил свои услуги Хогвартсу в частности для того, чтобы найти это место. Ведь будущий темный маг учился в этой школе, и наверняка здесь можно найти эти сведения, если очень постараться. Более того, из слов Фенелли создавалось впечатление, что он уже буквально в шаге от своей цели.

Судя по задумчивому виду Дамблдора, узнавшего столь интересные новости, допуск к школьным архивам для Фенелли с этого момента был закрыт раз и навсегда. Впрочем, он ему не особенно-то и был ему нужен, так что ничего страшного не произошло. Зато теперь у Дамблдора появился резон в пользу поддержки Барти Крауча. Ожидать от Фаджа решения о казни сидящих в Азкабана упиванцев не приходилось, зато Барти как раз предлагал раз и навсегда решить вопрос с этими типами. А так как прямые наследники у сидящих в тюрьме Лестрейнджей отсутствовали, содержимое их сейфов досталось бы министерству. Во всяком случае, так обрисовал ситуацию Люциус Малfoy, которому Карло не поленился задать этот вопрос во время их «беседы». И у Дамблдора появилась тема для торговли с Барти Краучем.

* * *

На этот раз Поттер решил пообщаться с профессором Локхартom наедине, а не заявляться к нему всей компанией. Гарри, безусловно, доверял друзьям и не собирался что-то от них скрывать, но дело было не в нем, а в профессоре. Мальчик хотел задать ему несколько личных вопросов и был не уверен, что Локхарт ответит на них в присутствии других людей. Насчет того, что преподаватель вообще ответит ему, уверенности тоже не было, но все же в одиночку шансов на это было значительно больше.

Гарри после окончания уроков подошел к кабинету Локхарта и аккуратно постучал. Дождавшись приглашения, Гарри вошел в комнату и увидел профессора, проверявшего работы учеников.

— А Гарри, здравствуй, — преподаватель чуть удивленно посмотрел на мальчика. — Что-то случилось?

— Нет, профессор, я хотел задать вам вопрос, — Гарри запнулся. — Не по учебе.

— Конечно, задавай, — профессор отодвинул лежавшие перед ним листы пергамента.

— Профессор Локхарт, скажите, вы провидец? — Гарри немного смущался от своей прямооты, но решил не ходить вокруг да около, тем более что мужчина всегда старался честно отвечать на его вопросы. Во всяком случае, Гарри хотелось в это верить.

— Видишь ли, Гарри... — Локхарт задумался на несколько секунд. — Если говорить о прорицаниях, как их понимают волшебники, то, безусловно, нет.

— Но вы же можете видеть будущее! — Поттер почувствовал, что профессор не зря сделал оговорку. — Ну, точнее, мы с Гермионой подумали, что это так.

Профессор встал из-за стола и прошелся по кабинету. Гарри подумал, что тот решает, что именно можно сказать. Поттер и сам понимал, что предвидение будущего — это не то, о чем стоит болтать на каждом углу, но размышления профессора наводили его на мысль, что как минимум часть этого будущего касалась и самого мистера Поттера. И как оказалось, он был не так уж далек от истины.

— Садись, Гарри, здесь парой фраз не отделаешься, — профессор указал на одно из кресел, стоявших в уголке. — И если ты не против, давай-ка заодно выпьем по чашечке кофе.

Локхарт вызвал домовика и сделал ему заказ.

— Если говорить о предсказании, то я действительно видел возможный ход событий в волшебном мире, хотя, конечно, не полностью, — усмехнулся профессор. — Но после того как я начал вмешиваться в них, все стало меняться, и теперь то знание будущего, которое у меня было, во многом бесполезно, а новой картинки я увидеть не могу.

— А вы многое изменили? И что именно? — Гарри почувствовал, что слегка перешел границу. — Если, конечно, вы можете на это ответить.

— Все что я сделал, я действительно не могу рассказать, — Локхарт задумался на несколько секунд. — Но кое-что можно и раскрыть, во всяком случае в той части, что касается тебя.

Как и предполагал Гарри, визит к Дурслям профессора и поимка Петтигрю вовсе не были случайностью. Равно как и обнаружение барьера на вокзале Кинг-кросс и выявление зачарованного блэджера. И как сообщил Локхарт, последние события были следствием желания домовика Добби оградить Гарри от опасности, грозящей ему в Хогвартсе!

— Вот ведь упорный диверсант, — удивился Поттер. — Никаких опасностей в этом году в школе нет, кроме его «защиты», разумеется.

— Ну, он-то искренне предполагал, что есть, — профессор заступился за эльфа. — Добби знал, что его хозяин попытается подкинуть кому-нибудь из учеников артефакт, открывающий Тайную комнату, чтобы сидящий там древний василиск нападал на маглорожденных студентов. А так как в отличие от Люциуса Малфоя домовик обладал еще и некоторым здравым смыслом, он правильно решил, что пострадать могут и вполне себе чистокровные волшебники. Вот он и пытался по мере своего разумения спасти тебя.

По мнению Гарри, подобные способы защиты могли доставить ему гораздо больше неприятностей, чем десяток каких-то непонятных василисков. По крайней мере, зачарованный блэджер был вполне опасен для жизни. Впрочем, Поттер тут же ухватился за слова профессора о Тайной комнате и попросил его рассказать, что это такое.

Узнав сначала легенду, а потом и то, что она опирается на реальность, Гарри все же поменял свое мнение о величине опасности, грозившей школе. Огромная змеюка, способная убить взглядом и обладавшая ядом, от которого практически нет защиты, внушала должный трепет. И вдобавок шкура этой твари надежно защищала ее от магии!

— К счастью, реквизировав этот артефакт, мы избавили школу от опасности, — закончил рассказ Локхарт. — Хотя на всякий случай я хотел бы, чтоб ты знал, где находится вход в Тайную комнату. Если, конечно, ты дашь слово, что без самой крайней нужды не будешь пытаться открыть ее. Сделать это может только змееуст, а насколько я знаю, сейчас в Англии только два человека говорят на парселтанге. Это ты и Волдеморт.

— Вы знаете, многие говорят, что змееуст обязательно должен быть темным магом, — с робостью произнес Гарри, который вовсе не хотел, чтобы Локхарт считал его заведомо плохим человеком. — Рон сказал, что это верный признак.

— А еще он верит, что Пушки Педдл когда-нибудь станут чемпионами, — кивнул профессор. — Я, конечно, не идеален, но во всяком случае не верю в подобную чушь. По большому счету никакие знания не сделают тебя садистом, ради своих интересов способным убивать ни в чем не повинных людей. Это уже вопрос совести, а не того, понимаешь ты какой-нибудь язык или нет. Но раз уж такое поверье существует, тебе действительно не стоит рассказывать на каждом углу о своих способностях.

— Профессор, а если бы вы не разоблачили Петтигрю, что бы стало с ним и с Сириусом? — Гарри решил вернуться к беглому упиванцу. — Получается, что крестный тогда так и сидел бы в тюрьме?

— Он сбежал бы оттуда через год и нашел бы Петтигрю, — невесело произнес Локхарт. — Но крысу удалось бы сбежать, и Сириус официально так бы и не был оправдан.

Гарри обладал достаточной сообразительностью, чтобы понять, что означает последняя фраза профессора. Судя по всему, без вмешательства профессора жизнь Сириуса на свободе была бы не слишком веселой, и к тому же еще и недолгой. Получалось, что все действия Локхарта приносили лишь только добро. Мальчик поспешил обрадовать профессора этим своим выводом.

— Ты так считаешь? — Локхарт серьезно посмотрел на Поттера. — Для кого-то мои действия обернулись благом, а кому-то вышли боком. И вовсе не обязательно это были бы плохие люди. Тот же Хагрид теперь вряд ли будет оправдан в том, что по его вине полвека назад погибла девочка. И ему не позволят пользоваться волшебной палочкой или же стать преподавателем, хотя последнее как раз не слишком важно. Все же сейчас он делает работу, которая идеально соответствует его характеру и знаниям.

— Простите, я как-то не подумал об этом, — Гарри представил, что он знал бы, что своими действиями подведет дружелюбного лесника, и невольно передернул плечами. Все же проще жить, когда все поступки людей без затей делятся на добро и зло. — Но вообще, как кто-то мог подумать, что Хагрид способен быть виновным в чьей-то смерти? Он же очень добродушный, хоть и выглядит грозным. И почему профессор Дамблдор не помог ему?

— Гарри, дело в том, что Хагрид действительно протащил в школу опасное существо. И хотя принесенный им акромантул никого не кусал, но твой друг и вправду вызывал подозрения, — Локхарт виновато пожал плечами. — Да и тогдашний директор школы, похоже, предпочел найти подходящего козла отпущения, а не заморачиваться с расследованием. Тогда ведь могли возникнуть проблемы у него самого.

— А кто же на самом деле был виновен в гибели девочки? — внезапно Гарри понял, что вопрос был излишним. — То есть это был Волдеморт? Когда он еще учился в школе.

— Ты сам догадался, — кивнул Локхарт. — Кстати, призрак убитой девочки живет рядом с входом в Тайную Комнату, так что тебе будет не лишним с ним познакомиться.

Гарри очень хотелось подробнее расспросить преподавателя о возможных будущих событиях, ведь далеко не все они могли измениться от его действий, но, увы, профессор заявил, что о будущем Поттеру придется по большей части узнавать самому, по мере того, как оно настает.

— Но вы ведь можете хотя бы предположительно сказать, что будет делать Петтигрю, — Гарри наконец дошел до своей главной просьбы. — А то даже Сириус не исключает, что он может пробраться в Хогвартс, чтобы напасть на меня. По-моему, это полный бред, но ведь из-за этого меня даже друзья пилят, чтобы не ходил нигде в одиночку. Они и к вам-то меня еле отпустили!

— Я тоже не думаю, что он полезет в Хогвартс, — профессор почему-то не выглядел особо радостным, делая это заявление. — Но я видел, что в другой реальности после своего побега от Блэка он кинулся к Волдеморту и помог ему вернуть себе тело. Не исключая, что и сейчас

он вполне может направиться в Албанию, где скрывается дух этого убийцы. И не стоит недооценивать Петтигрю — скорее всего, он и теперь справится со своей задачей.

Почему-то Гарри предпочел, чтобы Петтигрю все же решился пробраться в школу, так как живой Волдеморт заведомо был намного хуже, чем подлый крыс. Конечно, Гарри уже встречался с главным пугалом волшебной Англии, пусть тот и был в то время ослаблен до предела, но повторять этот опыт Поттеру совсем не хотелось. Тем более что опасность в случае возвращения темного мага грозила не ему одному, а очень многим людям, и в частности его друзьям.

Ну что же, оставалось надеяться, что если придется вновь встретиться с Волдемортом, то на этот раз он будет подготовлен несколько лучше. Конечно, хотелось бы, чтобы этот темный маг до скончания времен просидел там, где он есть, но это было бы слишком хорошо. Во всяком случае, в такую благодать не верили ни профессор Локхарт, ни профессор Дамблдор, а это служило достаточным основанием для признания того факта, что Волдеморт категорически не желал умирать. Тут Гарри весьма кстати вспомнил, что Локхарт обещал поискать способы обезвреживания Волдеморта с учетом наличия у того активных крестражей. И, разумеется, не только вспомнил, но и задал профессору вопрос об этом.

— Откровенно говоря, мне приходят в голову только две идеи, — на лице Локхарта появилось увлеченное выражение. — Впрочем, если подумать, они достаточно очевидны. Ведь основная проблема в том, что с помощью крестражей остатки души Волдеморта никак не могут покинуть этот мир. И, следовательно, если сделать этот осколок недееспособным, то так называемый величайший темный маг нашего времени попадет в ловушку и будет представлять опасность не больше, чем любое привидение.

Слушая Локхарта, Гарри удивлялся, что столь очевидные вещи не пришли ему самому в голову. Ведь действительно, Сириус, рассказывая ему о дементорах, говорил, что они могут высасывать душу человека. И дух Волдеморта, лишенный души, станет представлять из себя не пойми что, явно не способное к возрождению. Правда была одна проблема — никто из тех волшебников, кого знал Гарри, не таскал с собой в кармане ручного дементора. Конечно, министерство официально контролировало этих существ, но даже в голосе Локхарта звучало сильное сомнение, когда он упоминал о властях. Действительно, чтобы суметь предъявить дух Волдеморта министру магии, требовалось уж вовсе необычайное стечение обстоятельств.

Зато второй способ, предложенный профессором, выглядел гораздо реалистичнее, хотя и требовал определенных знаний. Гарри готов был поклясться, что идея появилась в голове Локхарта после нападения на Люциуса Малфоя. Волдеморт же представлял из себя не только злобную волю и огромный магический потенциал, но и обширные знания. И что толку от его злобы, если его дух даже не вспомнит, как можно возродиться. Безжалостное применение заклинания Обливиейт должно было с надежностью привести к тому, что этот темный волшебник забудет даже, как его зовут. Во всяком случае, Локхарт уверенно заявлял, что это вполне реально.

— А вы можете мне освоить это заклинание? — с надеждой спросил Гарри, который вполне обоснованно предполагал, что лично у него шансов встретиться с Волдемортом намного больше, чем у среднестатистического волшебника. — А то будет очень обидно знать, что

можешь победить этого гада, и при случае не сумеешь это сделать из-за обычного неумения применить нужную магию.

— Это заклинание изучают только на седьмом курсе, — в голосе Локхарта звучало некоторое сомнение. — Впрочем, думаю, что у тебя и мисс Грейнджер должно хватить сил, чтобы выполнить его. Так что жду вас в эту пятницу после обеда в моем кабинете. Попробуем освоить его, а потом можем пойти пострелять. По собственному опыту скажу, что отстрел десятка обойм отлично укрепляет нервы.

— С удовольствием, профессор! — Гарри довольно улыбнулся. — А то мне показалось, что Гермiona не верит, как хорошо у меня получается стрелять. Пусть сама убедится.

* * *

Вечные страдалцы науки, лабораторные крысы, в этот раз должны были послужить делу обучения Поттера и Грейнджер. Заклинание Обливиейт вроде бы не представляло особой технической трудности, но у детей вполне могли возникнуть определенные моральные проблемы. Все же спокойно лишать памяти живое существо могли либо насквозь черствые люди, либо... самые обычные маги. Волшебники вообще не особенно заботились о неприкосновенности чужой личности, но Гарри и Гермiona, к счастью, еще не до конца впитали в себя нормы магического мира.

— Профессор, а может быть, стоит тренироваться на чем-нибудь другом? — неуверенно произнесла девочка. — Скажем, на картинках.

— Увы, в данном случае без живого объекта ничего не выйдет, — Фенелли и вправду был не рад этому обстоятельству. Впрочем, память Локхарта подсказала, что он еще завзятый гуманист. — Чтобы вам легче было воспринимать необходимость причинять вред живым существам, уточню, что в мое время тренировались не на крысах, а на собаках. И насколько я знаю, те же упиванцы проводили тренировки на обычных людях, отлавливая случайных прохожих.

Дети поморщились при упоминании действий подручных Волдеморта, но это же помогло им собраться. Ведь они собрались изучить это заклинание как раз для того, чтобы при случае предотвратить столь «интересные» эксперименты.

— Профессор, мы готовы, — суровое лицо Гарри говорило о том, что крысам сегодня не повезет. — В конце концов, наше министерство чуть не каждый день занимается этим. Хотя не думаю, что это мне нравится.

Карло был полностью согласен с Поттером, однако время терять не следовало. Он достал из клетки одну из крыс, пересадив в заранее приготовленную коробку. Зверек, чувствуя недоброе, заметался по ней, безуспешно пытаясь найти выход из ловушки.

— Как я уже упоминал, само по себе заклинание забвения очень простое, — Фенелли достал палочку. — Просто произносим «Обливиейт» и указываем на голову вашего «клиента».

Для наглядности Карло медленно проделал это, метко направив палочку между ушей грызуна. Крыса, подвергнувшись действию заклинания, замерла на месте и упала на подкосившиеся лапы.

— Самым сложным является не просто стереть воспоминания, а стереть именно то, что нужно, — Карло строго оглядел детей. — Помните, вы должны четко представлять, что именно вы делаете. Сейчас я представил, что хочу стереть вообще всю память этой крысы. Это именно то, что следует сделать с Волдемортом, если появится такая возможность. Но министерские стиратели памяти стараются по возможности минимизировать потери, удаляя лишь последние воспоминания. И вам на будущее не помешает научиться действительно четко контролировать свои действия. Так что приступим к тренировке.

Как и предполагал Фенелли, Гарри проникся должным образом, что вкупе с его немалой магической силой неизбежно привело к тому, что невеликую память мыши отшибало напрочь и она превращалась в еле живой труп так же, как и у самого Карло. А вот Гермиона, по всей видимости, жалела крыс и стремилась причинить им минимальный ущерб.

— Ну что же, для первого раза результат впечатляющий, — Фенелли отправил всех зверьков в клетку, где им предстояло дожидаться встречи с хищными любимцами Хагрида, который не прочь был побаловать своих «милашек» свежим мясом. — Думаю, для вас наиболее эффективна была бы работа в паре. Там, где требуется хирургическая точность, дело делала бы мисс Грейнджер, ну а когда нужна всесокрушающая мощь, там вся надежда на Поттера.

* * *

При виде «полигона профессор Локхарта» дети от удивления открыли рты. Карло представил, какое первое впечатление должна производить эта поляна, и довольно ухмыльнулся. Благодаря его смелым экспериментам по совмещению волшебства со взрывчаткой это место вполне могло служить декорацией к фильму о верденской мясорубке. Особую пикантность картине придавал раскиданный повсюду лошадиный кал.

— Вот это да! — первым опомнился Поттер. — Вы здесь постоянно тренируетесь? Профессор, а мы можем посмотреть, как вы устраиваете такое?

— Ну, это же получилось не за один раз, — скромно заявил Карло. — Но после того как постреляем, кое-что покажу. Правда, сначала нам нужно здесь немного прибраться.

— Профессор, а откуда здесь столько... навоза? — Гермиона с подозрением посмотрела себе под ноги. — Такое впечатление, что здесь побывал табун лошадей.

— Не лошадей, а кентавров, — поправил девочку Фенелли. — Им почему-то не нравится то, чем я здесь занимаюсь. Вот они сперва пробовали угрожать, затем взывали к моей совести. А когда поняли, что это бесполезно, принялись пакостить по мелочам. И эти удобрения их фирменная «шутка». Ничего, я каждый раз после очередной тренировки доставляю все их «подарки» Хагриду, он ими грядки удобряет.

Дети слегка поморщились, выдавая свое отношение к идее возиться с этим добром. Карло пришлось немного просветить их насчет будущего, в котором им придется на уроках гербологии самостоятельно готовить удобрения из отходов жизнедеятельности различных волшебных существ.

— Или вы полагаете, что компост, которым вы пользуетесь на уроках, сделан из лепестков роз? — ехидно поинтересовался Фенелли. — Так вот, вынужден вас разочаровать, там гораздо больше вот этого добра. И хватит болтать, приступаем к уборке.

К счастью, уборка территории с помощью магии — это не то же самое, что с помощью ведра и лопаты. А детям в любом случае полезна дополнительная тренировка в чарах. Впрочем, они и не ленились, так что очень скоро на окраине поляны лежала большая куча навоза, а сам полигон стал представлять из себя нечто более-менее благообразное.

Расставив мишени, Фенелли выдал Гарри уже знакомый Вальтер, сам же решил в очередной раз попрактиковаться в стрельбе из Макарова. Внимательно наблюдавшая за действиями профессора Гермiona тут же поинтересовалась причинами подобного выбора преподавателя. Причем на ее лице явно читалось сожаление от отсутствия под рукой записной книжки, позволившей бы увековечить новые знания.

— Пистолет, который я дал Поттеру, самый легкий из тех, что есть у меня, и у него наименьшая отдача, — подробно пояснил Карло. — С учетом возраста Гарри это наиболее подходящее для него оружие. А вот мой выбор определен тем, что я по случаю сумел приобрести большое количество патронов к Макарову, вот и пользуюсь тем, что можно не экономить боеприпасы.

Карло предпочел не уточнять, каким именно образом он приобрел патроны, решив, что это явно излишние подробности. Зато он не забыл провести с Поттером подробный инструктаж по технике безопасности. И пусть мальчик уже слышал эту лекцию, Карло хорошо помнил, что инструкции в армии пишутся кровью, и не собирался получать неприятности на ровном месте.

Ну а после того, как они вдоволь настрелялись, Карло устроил традиционное шоу со взрывчаткой, которое не раз показывал новобранцам. Ничего необычного в нем не было — разделка бревна детонирующим шнуром, пара взрывов толовых шашек, одной, прикрученной к дереву, и другой, зарытой в землю. И традиционный апофеоз, в идее самостоятельного подрыва обучаемыми взрывателя с помощью огнепроводного шнура. Не бог весть что, но на новичков производит впечатление.

Так было и на этот раз, вот только реакция детей была несколько различной. Если Гарри, как и

любой нормальный мальчишка, наслаждался устроенными фейерверками, то Гермиона выглядела все более и более задумчивой.

— Профессор, но ведь получается, что, совмещая магию и технологию, наши возможности многократно возрастают! — наконец не выдержала она. — Вы ведь могли за раз трансфигурировать не одну толковую шашку, а много, и тогда взрыв получился бы просто страшным.

— А еще я мог бы попробовать трансфигурировать это полено в обогащенный плутоний, — мрачно заметил Фенелли. — Вот только мне почему-то абсолютно неинтересно проводить этот эксперимент. И надеюсь, у вас тоже хватит ума вовремя остановиться. И кстати, не стоит лишний раз болтать о подобных возможностях магии. Я уверен, что вы используете эти знания с умом, но среди волшебников хватает неадекватных людей. И хорошо, что тот же Волдеморт и его слуги не слишком-то увлекаются изучение обычного мира. Иначе последствия их действий могли бы быть намного хуже.

Когда они покидали стрельбище, направившись в сторону хижины Харгида, Карло привычно поднял чарами левитации кучу навоза. Кентавры сегодня не показывались, пока волшебники развлекались на поляне, но стоило профессору с детьми отойти на сотню метров, как сзади раздались характерные звуки, говорящие о том, что в ближайшее время лесник точно не останется без удобрений.

— Как дети, право, — поморщилась Гермиона. — Неужели они не понимают, что этим больше унижают себя.

— Они все-таки не люди, мисс Грейнджер, и у них своя психология, — Карло неопределенно пожал плечами. — Хотя я думаю, что подобная глупость идет от бессилия. Кентавры считают себя выше людей, но когда сталкиваются с реальностью, в которой они занимают подчиненное положение, то это выливается в подобный цирк.

— Я в прошлом году немного общался с кентаврами и могу сказать, что они действительно странные, — подтвердил его слова Поттер. — Хотя Лоренц, который помог мне, производил впечатление вполне нормального... человека, пожалуй.

— Ну, так ведь наверняка сейчас на поляне гадит не он, а какой-то идиот, — хмыкнул Фенелли. — А в итоге мы судим об этих существах именно по тем, с кем сталкиваемся. И приличных представителей их сообщества, коих наверняка большинство, попросту не замечаем. Впрочем, это наблюдается и среди людей. Ведь тот же Слизерин до этого года вы оценивали, скорее всего, по Малфоя, а не по Гринграсс или Девис. А эти девочки намного ближе к идеалу Основателя по сравнению с Креббом или Гойлом, но вы их попросту не замечали.

Дети смущенно переглянулись, явно выдавая правоту Фенелли. Что ни говори, а тесный опыт межфакультетского общения, который он всячески поддерживал на своих занятиях, давал свои плоды. Карло очень хотел, чтобы Гарри и Гермиона увидели в представителях соперничающего факультета не набор штампов, а живых людей. Сам он уже давно убедился, что не всякий

сицилиец — мафиозо и не всякий мусульманин — террорист. Так что Карло надеялся, что и Поттер поймет, что не всякий слизеринец спит и видит, как бы зверски замучить всех маглорожденных волшебников.

* * *

Чистка оружия является неременным атрибутом любых стрельб, и Фенелли с Поттером, вооружившись маслом и ветошью, с достойной уважения основательностью терли стволы своих пистолетов в кабинете профессора. Сидящая рядом Гермиона бросала задумчивые взгляды на стрелков, явно набираясь решимости задать какой-то неудобный вопрос.

— Мисс Грейнджер, вы что-то хотели уточнить? — Карло решил помочь ей.

— Да, профессор, если это не покажется вам невежливым, я хотела бы задать вам личный вопрос, — покраснела девочка. — Скажите, если это, конечно, не секрет, вы служили в армии? Просто ваши методы преподавания очень напоминают то, что мы с Гарри видели в фильмах.

— Ну что же, для вас это не секрет, — Фенелли испытал некоторое облегчение от того, что может поведать хоть кому-то часть своей истинной биографии. — Славная 101 воздушно-десантная дивизия армии США, «в любое время, в любом месте, любыми средствами».

— Я так и думал, что вы достаточно долго прожили среди обычных людей, — Гарри отложил в сторону тщательно почищенный пистолет. — Хотя не понимаю, как можно в неволшебном мире пользоваться именами магов. Простите, профессор, но мне кажется, что вам было не вполне удобно назвать свое имя.

— Поэтому в армии меня звали Карло Фенелли, — вздохнул преподаватель, которого имена волшебников порой удивляли не меньше, чем Поттера. — До генерала не дорос, но честно стал сержантом.

— Теперь не удивительно, что вы так хорошо ориентируетесь в обычном мире, — удовлетворенно кивнула Гермиона. — Волшебникам вообще не помешало бы побольше знать о нем.

В этом вопросе Карло был полностью согласен с ней, тем более что немного познакомившись с тем, как преподают в Хогвартсе магловеденье, он был, мягко говоря, удивлен. Мало того, что этот предмет не являлся обязательным, так еще и сведения об обычном мире, которые доводились до учеников, были откровенно устаревшими. В итоге, большинство магов были свято уверены, что вокруг них царят времена королевы Виктории, и напрочь игнорировали реальность.

— А что круче: прыгать с парашютом или летать на метле? — поинтересовался Гарри. — Я

раньше очень хотел попробовать прыгнуть с самолета, вернее, и теперь хочу...

— Когда окончишь школу, можешь просто пойти в парашютную секцию и попробовать, — Фенелли постарался вспомнить свои впечатления от прыжков. — Это действительно здорово, когда ты сливаешься с небом. Жаль только, что сам полет длится очень недолго.

— Да, вокруг столько всего интересного, а ты можешь узнать лишь малую часть этого, — вздохнула Гермiona. — Так обидно на самом деле.

— И поэтому ты все свое свободное время тратишь на учебу? — Карло тепло улыбнулся девочке. — На самом деле у тебя еще очень много времени, и ты узнаешь много интересного. Но сколько бы ты ни узнала, останется еще очень много вещей, которые стоит изучить. Этот мир прекрасен своей необъятностью.

А еще больше он прекрасен тем, что есть люди, которые хотят изучать его. И не для того, чтобы извлечь из этого какую-либо выгоду, а потому, что хотят узнать его. Но этого Карло не стал говорить детям.

* * *

Очередной номер Пророка, традиционно полученный за завтраком, окончательно убедил Карло, что его вмешательство в этот мир не прошло без серьезных последствий. А как еще можно было воспринять передовицу, в которой говорилось, что Барти Крауч стал новым министром магии. Причем его кандидатуру полностью поддержал действующий глава Визенгамота Альбус Как-Его-Там Дамблдор.

Сам директор уже третий день отсутствовал в школе, поэтому преподаватели, ознакомившиеся с этой новостью, не могли обратиться к нему за уточнением обстановки. Так что обсуждение новости свелось к обычным сплетням.

— Если судить по тому, что говорил мистер Крауч до избрания министром, то вскоре должна произойти большая встряска в министерстве, — МакГонагалл отложила в сторону свой экземпляр газеты. — Во всяком случае, можно надеяться, что там станет больше порядка. Я слышала, его отдел международного сотрудничества — образец в этом вопросе.

— И наконец-то его сотрудники, идущие на работу через магловский Лондон, перестанут быть похожими на персонажей Диккенс,а — Чарити Баббидж, преподаватель магловеденья, презрительно скривила губы. — Я слышала, что обливатели постоянно жалуются, что из-за неумения одеваться наших чиновников им почти ежедневно приходится выезжать на вызовы. Может, наконец-то там поймут, что мой предмет должен быть обязательным для всех волшебников.

— Ну, сам-то мистер Крауч одевается как истинный магл, — кивнула Септима Вектор, с недавнего времени считавшаяся среди дам Хогwartса экспертом по магловской моде. — Хотя его семья одна из известнейшей в волшебном мире. Вот что значит любовь к порядку! Я, кстати, посмотрела старые ведомости, у него было «Превосходно» по нумерологии, это не просто так.

— Лучше бы он за порядком в своей семье следил, — недовольно буркнул Снейп. — А то пока что он лишь грозиться силен.

Но как оказалось, Барті силен не только своими обещаниями. На следующий день за завтраком в большом зале наконец-то появился Дамблдор. Когда Карло увидел почерневшую руку директора, ему с трудом удалось сдержаться, чтобы не выдать своих эмоций. Хваленый величайший маг нашего времени и в этой версии истории не смог удержаться от искушения и вновь заплатил за это жизнью. Дамблдор мог сколько угодно излучать привычное добродушие, но Фенелли видел перед собой лишь временно живого мертвеца. Вряд ли произошло чудо, а значит, меньше чем через год директора не станет.

Когда Карло окончательно успокоился, он понял, что Дамблдор внимательно смотрит на него. И без всякой легелимении директор наверняка понял, что для Карло было ясно значение почерневшей руки. И сейчас взгляд Дамблдора просил профессора ЗОТИ воздержаться от публичных комментариев. Ну что же, Карло тоже предпочел бы, будучи смертельно больным, не видеть вокруг себя жалостливые взгляды. Поэтому он согласно кивнул, однако мысленно пообещав себе сообщить правду Сириусу и Гарри. Карло не хотел, чтобы Дамблдор в очередной раз воспользовался чужой доверчивостью, дабы изобразить из себя идеал самопожертвования.

Разумеется, новая деталь в облике директора не осталась незамеченной как учениками, так и преподавателями, но директор лишь мило отшучивался, ссылаясь на неудачный эксперимент. А на следующий день все внимание с руки Дамблдора перешло на внезапное исчезновение профессора Снейпа. Зельевар покинул Хогwartс в неизвестном направлении, чем вызвал приступ бурной радости у трех четвертей школы.

И как оказалось, Снейп очень вовремя решил уйти в подполье, ибо буквально в тот же день волшебная Англия была взбудоражена новым указом министра о повторном суде над всеми упиванцами. Причем теперь каждого человека должны были подвергнуть допросу под зельем истины, и, если он признавался виновным, его ждал уже не Азкабан, а поцелуй дементора.

Все кругом шептались об обнаруженной организации сторонников Волдеморта, которая и помогла Петтигрю бежать из тюрьмы и борьбой с которой были обусловлены эти меры. Но Карло прекрасно знал, что эта зачистка была платой за крестраж Волдеморта, хранящийся в Гринготтсе. Все имущество казненных должно было перейти министерству, и Дамблдор наверняка заранее договорился о судьбе неких артефактов. Тем более что, по мнению Фенелли, Крауч и сам хотел устроить кровавую тризну по своему сыну.

Впрочем, судя по растерянному лицу Дамблдора, прочитавшего в утреннем Пророке об арестах оправданных десять лет назад упиванцев, Барті наверняка пошел намного дальше, чем рассчитывал директор. И хотя некоторые упиванцы сумели скрыться, повезло далеко не всем.

Крэб и Гойл старшие, лишившись руководства Малфоя, лишний раз доказали, что отсутствие мозгов крайне вредно для здоровья. Во всяком случае, после краткого суда оба они отправились к дементорам. Точно так же, как и Макнейр и Мальсибер-младший. И уж само собой эта участь не миновала тех упиванцев, кто уже сидел в Азкабане. По сути, вернись сейчас Волдеморт к полноценной жизни, он обнаружил бы, что из его соратников почти никого не осталось.

Фенелли лишний раз убедился, что организация намного сильнее, чем одиночка, каким бы он крутым себя ни мнил. Все его попытки «зачистить» упиванцев не шли ни в какое сравнение с могучей поступью министерства. Хотя для успокоения собственного эго можно было уточнить, что без его действий не было бы и нового министра, который смог организовать эту «Ночь длинных ножей».

Как ни странно, среди подозреваемых упиванцев и в самом деле нашлось пара человек, действовавших под Имперкусом. Но вот тот же Снейп к ним явно не относился, и его исчезновение было весьма своевременным. Вряд ли суд признал бы его службу Дамблдору достаточным оправданием за пребывание в команде упиванцев. Министерство, как и любое правительство, не слишком-то признавало правомочность неформальных организаций, вроде Ордена Феникса.

Зато Люциусу Малфоем в очередной раз повезло, подтвердив тем самым идею, что этот тип и под дождем не промокает, умело проскальзывая между каплями. Когда авроры прибыли в Мунго и попробовали допросить его, то оказалось, что девственно чистый мозг матерого упиванца не содержит вообще никаких воспоминаний о его служении Волдеморту. Конечно, Нарцисса и Драко вряд ли были особо счастливы, что Люциус превратился в полного идиота, но лучше уж так, чем видеть перед собой результат тесного общения с дементором. Во всяком случае, завистливые взгляды, бросаемые время от времени Крэбом и Гойлом на Малфоя, говорили как раз об этом.

<http://tl.rulate.ru/book/53474/1352710>